

— Юй-гэ, у тебя на лбу немного покраснело. Вернись домой и смажь лекарством, — заметил Хэ Ми, видя напряженное застывание пары. Он поторопился напомнить, иначе тот, кто ждет дома, мог бы разозлиться.

— Да, пойдём, — ответил Цзиньюй, представляя, как отреагирует старший брат, увидев покраснение на его лбу. От одной мысли об этом у него мурашки побежали по коже. Собравшись с духом, он кивнул Юй Хэюню в знак прощания и поспешно ушел вместе с Хэ Ми.

Юй Хэюнь приоткрыл рот, желая продолжить разговор с Цзиньюем, чтобы сблизиться. Однако между ними почти не было точек соприкосновения, и они были словно чужаки. Он не смог найти подходящей темы для разговора и лишь бессильно смотрел, как Цзиньюй торопливо исчез из виду.

Цзиньюй сидел в машине, направляясь домой, и сердце его было переполнено тревогой. С наступлением сумерек он закусил губу.

Хэ Ми, наблюдавший за ним, вздохнул. Он испытывал жалость к Цзиньюю. Действительно, Фу И был слишком строг. Хотя Цзиньюю уже исполнился двадцать один год, и он провел в шоу-бизнесе три года, Фу И все еще обращался с ним как с ребенком, устанавливая жесткие правила. Однако, помимо этого, он невероятно баловал своего младшего брата.

Любой, кто видел, как Фу И обращается с другими и с Цзиньюем, мог заметить разительный контраст.

Впрочем, если подумать, семья Фу была влиятельной и богатой. Младший брат Цзиньюй вырос в роскоши и был очень наивен. В шоу-бизнесе, где царит хаос, действительно нужно быть осторожным, чтобы не попасться в чужие сети.

Хэ Ми обдумал события дня и решил, что все в порядке. Максимум, что произошло, — это то, что они вернулись домой немного позже. Фу И не должен был слишком рассердиться. Хотя он и испытывал жалость к Цзиньюю, семья Хэ Ми была обязана Фу И, и он должен был доложить обо всем честно.

Цзиньюй опустил глаза, скрывая свои эмоции, оставляя Хэ Ми лишь красивую шею и изящное лицо, полное беспокойства, что вызывало сочувствие.

Это была небольшая проверка Цзиньюя на прочность. Он хотел узнать, где находится граница терпения Фу И, чтобы в будущем действовать более осмотрительно. Ведь если он случайно заденет его нервы, Фу И может заставить его покинуть шоу-бизнес, и тогда мечты и желания прежнего владельца тела пойдут прахом.

Всю дорогу они молчали. Когда они наконец прибыли домой, Цзиньюй немного задержался в машине, словно пытаясь избежать неизбежного. Но это был его дом, и ему больше некуда было идти. Он поколебался у двери, затем, стиснув зубы, вошел внутрь.

«Хэ Ми, наверное, уже доложил о ситуации», — спокойно подумал Цзиньюй.

Дверь открылась, и внутри было ярко освещено. Фу И сидел на диване в гостиной, прямо напротив входа. Его лицо было бесстрастным, и невозможно было угадать его мысли.

Цзиньюй, дрожа, поздоровался с пугающим братом:

— Гэ, я вернулся.

Фу И не сказал ни слова, а лишь похлопал по месту рядом с собой. Цзиньюй послушно подошел и сел. Видя, что брат не стал сразу ругаться, он набрался смелости и, обняв руку Фу И, начал жаловаться:

— Гэ, я знаю, что был неправ. Я опоздал сегодня, но на то была причина.

С этими словами он с энтузиазмом достал сценарий, который дал ему режиссер Ли.

— Режиссер Ли предложил мне роль в «Ловушке». Я так увлекся чтением сценария, что потерял счет времени.

Фу И, покачивая рукой Цзиньюя, слушал его объяснение, и на его лице наконец появилась легкая улыбка. Однако его глаза оставались темными. Он смотрел на Цзиньюя, пристально наблюдая за легким покраснением на его лбу. Этот едва заметный оттенок можно было разглядеть только при внимательном рассмотрении, благодаря необычайно светлой коже Цзиньюя. Ведь это было всего лишь легкое касание, и у обычного человека от него не осталось бы и следа.

— Я знаю, Юйюй такой послушный, что не стал бы возвращаться домой поздно без причины. Я очень волновался, боясь, что с тобой что-то случилось. Ведь ты никогда раньше не нарушал наших договоренностей.

Фу И не взглянул на сценарий, который протянул ему Цзиньюй. Его голос был мягким, с легким оттенком смеха. Он естественно протянул руку и надавил на покрасневшее место на лбу Цзиньюя.

Цзиньюй почувствовал легкую боль. Почти незаметное покраснение под нажатием Фу И быстро распространилось.

— Но что случилось с твоим лбом? — спросил Фу И.

Лицо Фу И, только что с легкой улыбкой, внезапно потемнело. Его голос стал низким и сдержанным:

— Как ты мог быть так неосторожен и пораниться? Мне больно это видеть.

С этими словами он убрал палец, и нежная кожа на лбу Цзиньюя уже была окрашена в красный цвет, резко контрастируя с его светлой кожей.

Из-за сильной слезоточивости глаза Цзиньюя наполнились слезами, делая его прекрасные глаза еще более яркими и прозрачными, вызывая жалость и легко пробуждая скрытые низменные желания других.

В глазах Фу И появились красные прожилки. Его грудь вздымалась, а глаза становились все темнее и глубже. Цзиньюй же подумал, что брат просто разозлился, и поспешил объяснить:

— Я случайно ударился, — он с тревогой смотрел на брата, слезы все еще дрожали на его ресницах. — Правда, это было совсем легкое касание.

— Правда? Тогда почему здесь так покраснело? — Фу И коснулся лба Цзиньюя, и на месте касания снова появился легкий румянец. Его глаза стали еще темнее, а в голосе снова появился легкий смех. — У Юйюя такая нежная кожа, что даже легкое касание оставляет след.

Он встал, подошел к телевизору, присел и достал аптечку.

— Я сам не знаю, — пробормотал Цзиньюй с досадой.

Услышав смех брата, Цзиньюй понял, что тот уже успокоился, и тайно вздохнул с облегчением. Хотя Фу И всегда был добрым и терпеливым, но когда он злился, даже их отец не решался противостоять ему. Цзиньюй боялся разгневанного брата, хотя тот всегда очень хорошо к нему относился.

Фу И открыл аптечку, достал ватные палочки и лекарство, открутил крышку, смочил ватку и аккуратно нанес лекарство на покрасневшее место на лбу Цзиньюя. Его движения были нежными, и ничто не напоминало о жесткости, с которой он нажимал пальцем ранее. В его глазах была только нежность и обожание.

Когда брат обращался с ним так ласково, Цзиньюй вспомнил, как тот только что ругал его, и почувствовал легкое жжение от лекарства на лбу. Ему стало очень обидно, и слезы покатались по его щекам, как бусы.

Как ребенок, который, упав, может сам встать и продолжить играть, но если его кто-то поднимет и утешит, он начнет плакать и не сможет остановиться.

Увидев, как Цзиньюй плачет, Фу И, чей гнев уже почти утих, не смог сдержаться. Он отложил ватную палочку и достал из кармана платок, чтобы вытереть слезы Цзиньюя:

— Только что все было хорошо, что случилось?

— Ты меня обидел! — всхлипнул Цзиньюй, с обидой указывая на поведение Фу И.

— Хорошо, Юйюй, я был неправ, не следовало на тебя злиться, — Фу И нежно вытирал слезы Цзиньюя и мягко успокаивал его.

Но чем больше Фу И говорил ласковых слов, тем сильнее текли слезы Цзиньюя.

Фу И вздохнул с досадой:

— Перестань плакать, иначе глаза опухнут, как персики. Разве режиссер Ли не предложил тебе пройти пробы для «Ловушки»? Ты собираешься идти туда с опухшими глазами?

Эти слова возымели мгновенный эффект. Цзиньюй перестал плакать, сдерживая слезы.

Фу И, словно фокусник, достал пудинг и протянул его Цзиньюю:

— Вот, твой любимый матча-пудинг.

Увидев пудинг, глаза Цзиньюя загорелись. Он забыл всю свою печаль и обиду, с радостью взял пудинг и тут же попробовал его. Его глаза сузились от удовольствия, когда вкус матча наполнил его рот.

— Перекуси, скоро будем ужинать, — Фу И погладил голову Цзиньюя, словно лаская изнеженного кота. После этого он почувствовал глубокое удовлетворение.

Он встал и пошел на кухню. Приготовленные ранее блюда остыли, и их нужно было разогреть.

<http://bllate.org/book/16773/1541605>